Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Торговые контакты населения Которска

В. Ю. Соболев¹

Аннотация. В статье приведен обзор предметов, оказавшихся на западе Новгородской земли в результате дальней торговли. Среди находок — вещи бытового назначения, детали оружия, предметы мужского и женского убора, украшения, ткани. Предметы, попавшие в Которской погост в результате торговых операций, были найдены как в культурном слое поселения, так и в погребальных памятниках, датированных X — концом XII в.

Annotation. This article presents a review of the long-distance trade goods found in the west of the Novgorod Land. The finds include domestic items, parts of armament, objects of male and female decoration, ornaments, and textiles. The artefacts that occurred at Kotorsk Pogost during trade operations were recovered both from the cultural level of the settlement and from burials dated to the 10th — late 12th century.

Ключевые слова: средневековье, Новгородская земля, торговые связи, международные контакты.

Keywords: Middle Ages, Novgorod Land, trade connections, international contacts.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-366-376

Вопросы внутренних и дальних торговых контактов древнерусского населения отдельных поселений, территорий, регионов привлекают внимание исследователей уже на протяжении многих десятилетий. В первую очередь обычно рассматриваются собственно торговый инвентарь, нумизматические материалы и наиболее яркие импорты. В то же время теперь очевидно, что практически все население средневековой Новгородской земли активно участвовало в торговле, предметами которой являлись не только заморские диковинки и высокохудожественные² ювелирные украшения,

но и различное сырье, товары первой необходимости (например, соль³), продукты сельского хозяйства, ремесленные изделия.

Комплекс археологических памятников у д. Которск — Никольский Которской погост — один из наиболее полно изученных раскопками локальных центров на западе Новгородской земли, включает в себя поселение, датируемое рубежом IX–X — первой половиной — серединой XI в., и несколько разновременных кладбищ, оставленных его жителями⁴. Коллекция находок включает целые и фрагментированные бытовые предметы, фрагменты оружия, детали мужского и женского убора, украшения, ткани; часть изделий — предметы импорта, оказавшиеся на западе Новгородской земли в результате дальней торговли.

Предваряя обзор находок, оговоримся, что из выборки исключены две категории — стеклянные и каменные бусы, которые традиционно

¹ Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева, СПбГУ; ул. Смольного, д. 1/3. г. Санкт-Петербург, 191060, Россия.

² Скорее всего, производства «обычных», «рядовых» ювелирных украшений в Новгородской земле не было, да и не могло оно быть сосредоточено только в городах, хотя бы в силу их крайней немногочисленности. Следы обработки цветных металлов в виде каплей и выплесков, остатков тиглей, подготовленных к переработке обломков украшений и т. п. фиксируются на многих сельских поселениях, однако бесспорных свидетельств массового производства ювелирных изделий в «негородских» центрах нет.

³ Собственно археологически может быть прослежено, например, только производство соли, но не ее хранение или перемещение.

⁴ Подробнее историю и краткие итоги изучения см.: Соболев, 2015. С. 5–9.

являются отдельным — самостоятельным — объектом исследования, и предметы вооружения. «Импортное» вооружение представлено в Которском погосте лишь ланцетовидными наколками стрел, некоторые из которых связаны с горизонтом тотального пожара, вызванного военной катастрофой. Пожар уничтожил застройку поселения, так что найденные в культурном слое стрелы вряд ли являлись предметами торговых операций.

Наиболее ранней находкой, по всей вероятности, является происходящая из слоя бурого гумуса бронзовая шумящая подвеска — планка с рядом колечек по нижнему краю, к каждому из которых на двух 8-образных звеньях подвешена лапчатая привеска (рис. 1, 10). Украшение изготовлено литьем по восковой модели. Изредка целые и фрагментированные подвески встречаются на памятниках Северо-Запада: могильник Шуя в Северо-Западном Прионежье (Спиридонов, 2014. С. 139, рис. 12, 1; с. 144, рис. 17, 1, 2, 7), могильник Крохинские Пески (Макаров, 1990. С. 206, табл. XXI, 10), Белозерье (Голубева, 1973. С. 140, рис. 51, 21). Наиболее массово подобные шумящие подвески распространены среди восточнофинских древностей: аналогичные планки происходят, например, из Томниковского могильника (Ястребов, 1893. С. 58, табл. XIV, 2), Максимовского могильника — погребение № 3 (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXIV, 13), из могилы № 5 (Каталог..., 1907. С. 25, рис. 27), погребений Подболотьевского могильника № 57 (Зеленцова, 2014. С. 225, рис. 2, 7, 8) и № 85 (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 227, рис. 4, 4, 5), в этих же могильниках открыты украшения со схожими вытянуто-ромбическими лапками (Финно-угры и балты..., 1987. Табл. XXXV, 3; Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 227, рис. 3, 21, 22). Погребения № 57 и 85, по мнению автора раскопок, датируются второй половиной VIII — IX в. (Зеленцова, 2014. С. 224; Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 235), которская же находка относится ко времени не ранее рубежа IX–X — первой половины X столетия.

Из культурного слоя поселения и бескурганых (грунтовых) могильников происходит несколько находок украшений и деталей мужского костюма.

Из заполнения жилой постройки № 3, погибшей в пожаре, происходит большая бронзовая подковообразная застежка с четырьмя орнаментированными многогранными головками

(рис. 2, 1) и узкой иглой, являвшаяся деталью мужского убора. Аналогичная крупная фрагментированная застежка происходит из погребения по обряду кремации, открытого восточной части курганный группы Которск XI. В перекрытом полый кургана № 23 слое погребенного дерна была исследована небольшая округлая ямка, в ней находились развал верхней части лепного горшка и кальцинированные кости, вокруг нее найдены еще несколько фрагментов лепной керамики от того же сосуда, оплавленные обломки подковообразной застежки (рис. 2, 2), кусочки обгорелого рогового предмета, украшенного циркульным орнаментом (Соболев, 2015а. С. 29–31). Еще один обломок застежки с многогранными головками, но меньшего размера, был найден в заполнении ямы № 11 (слой черного гумуса) Которского селища (рис. 2, 3). Крупные подковообразные фибулы с многогранными головками на дуге и концах происходят из городских центров — Новгорода (Седова, 1981. С. 86; Покровская, 1999. С. 57, рис. 1, 5), Рюрикова городища (Хвоцинская, 1999. С. 39–40), Сарского городища (Леонтьев, 1996. С. 170–172), локальных административных центров Новгородской земли (Платонова и др., 2007. С. 155, рис. 7, 17) и раннесредневековых некрополей (Хвоцинская, 2004. С. 86–87); эти фибулы считаются скандинавскими по происхождению⁵.

Ладьевидные браслеты — также североевропейский по происхождению тип украшений эпохи викингов, связанный с мужской субкультурой. Обломок массивного ладьевидного браслета, орнаментированного «гусеничными» валиками и кружковым орнаментом, был найден в слое пахоты поселения Которской погост (рис. 2, 7), небольшой фрагмент аналогичного изделия (рис. 2, 5) происходит из бескурганного (грунтового) могильника Которск IX. Половина еще одного браслета с «гусеничными» валиками, сильно поврежденного огнем, была найдена в перекрытой полый кургана № 36 части бескурганного могильника Которск XI (рис. 2, 6). Ладьевидные браслеты довольно широко представлены в материалах из раскопок памятников X —

⁵ Возможно, часть этих и других украшений и деталей убора, имеющих, как представляется, североевропейское происхождение, была произведена носителями традиции, жившими и работавшими на Руси (Хвоцинская, 2007), определение для каждого предмета точного места его производства — задача пока не выполняемая.

Рис. 1. Инокультурные вещи, найденные в Которском погосте. 1, 9 — подвески; 2-4 — бусы на проволоочных колечках; 5, 6 — височные кольца; 7, 11 — поясные пряжки; 8 — ременная накладка, превращенная в подвеску; 10 — шумящая подвеска; 11, 12, 14 — ременные накладки; 13, 15 — бубенчики (?). 1 — могильник Которск III, курган № 27; 2-4 — могильник Которск XI, курган № 10 погребения № 1; 5, 6 — могильник Которск XI, курган № 13; 7 — селище Которской погост, участок 1999 г.; 8 — могильник Которск III, курган № 16; 9 — могильник Которск XI, курган № 2; 10 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 11, 12, 14, 15 — селище Которской погост, подъемный материал 2002-2004 гг.; 13 — селище Которской погост, участок 1999 г. 1 — серебро; 11 — серебро, позолота; 2-4 — серебро, стекло; 5-10, 12-15 — бронза

Fig. 1. Imported finds from the settlement of Kotorskoy Pogost. 1, 9 — pendants; 2-4 — beads on wire rings; 5, 6 — temple rings; 7, 11 — belt buckles; 8 — belt mount remade into a pendant; 10 — rattling pendant; 11, 12, 14 — belt mounts; 13, 15 — little bells (?). 1 — cemetery of Kotorsk III, barrow no. 27; 2-4 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 10, burial no. 1; 5, 6 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 13; 7 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999; 8 — cemetery of Kotorsk III, barrow no. 16; 9 — cemetery of Kotorsk XI, barrow no. 2; 10 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 11, 12, 14, 15 — settlement of Kotorskoy Pogost, surface finds of 2002-2004; 13 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999. 1 — silver; 11 — silver, gilding; 2-4 — silver, glass; 5-10, 12-15 — bronze

Рис. 2. Инокультурные вещи, найденные на селище Которской погост и в могильниках Которск IX и XI:

1 — подковообразная застежка с гранеными головками; 2, 3 — обломки подковообразных застежек с многогранными головками; 4 — накладка на кресало; 5-7 — обломки ладьевидных браслетов. 1 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 2 — могильник Которск XI, бескурганная часть, погребение под полой кургана № 23; 3 — селище Которской погост, участок 1989 г.; 4 — селище Которской погост, участок 1999 г.; 5 — могильник Которск IX, участок 1993 г.; 6 — могильник Которск XI, бескурганная часть; 7 — селище Которской погост, участок 1999 г. 1-7 — бронза

Fig. 2. Imported finds from Kotorskoy Pogost and cemeteries of Kotorsk IX and Kotorsk XI: 1 — horseshoe clasp with faceted heads; 2, 3 — fragments of horseshoe clasps with multifaceted heads; 4 — cover plate of a firestriker; 5-7 — fragments of boat-shaped bracelets. 1 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 2 — cemetery of Kotorsk XI, the area without mounds, burial under the tail of mound no. 23; 3 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1989; 4 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999; 5 — cemetery of Kotorsk IX, excavation of 1993; 6 — cemetery of Kotorsk XI, the area without mounds; 7 — settlement of Kotorskoy Pogost, excavation of 1999. 1-7 — bronze

первой половины XI в.: Новгорода (Седова, 1981. С. 99, рис. 35, 5; с. 104, рис. 37, 19; с. 105, рис. 38, 4); Рюрикова городища (Носов и др., 2005. С. 201, табл. 29, 7, 8); Белоозера (Голубева, 1973. С. 140, рис. 51, 28); Усвят (Еремеев, 2015. Рис. 126, 1); сельских центров: Передольского погоста (Платонова и др., 2007. С. 180; с. 155, рис. 7, 21; с. 161, рис. 9, 2); погребальных комплексах Юго-Восточного Приладжья (Бранденбург, 1895. Табл. III, 3, 6, 7, 12, 16–18, 22); Восточного Причудья (Хвощинская, 2004. С. 86–87), один из вариантов браслетов этого типа вызвал появление древнерусских подражаний (Лесман, 2014. С. 60–61).

В заполнении ямы № 6 (1999) (в слое черного гумуса) была найдена бронзовая пряжка с рамкой, орнаментированной в стиле Борре, и щитком, сделанным из согнутой пополам бронзовой пластины, орнаментированной по краю и посередине двойной гравированной линией и линией «волчьего зуба»; по углам в отверстиях сохранились заклепки из бронзовой же проволоки, державшие кожаную ленту ремня и скреплявшие половинки щитка (рис. 1, 7). Также из слоя заполнения ямы № 6 происходят лишь фрагменты керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге, и три обломка глиняных пряслиц.

Аналогичные пряжки происходят из слоя Псковского некрополя (Мальшева, 2012. С. 75–76, табл. LVII, 4), раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове⁶ (Сизов, 1902. С. 85, рис. 31, табл. XI, 3) и курганов № 85 (Фехнер, 1963. С. 18, рис. 8, 16) и № 365 (Мальм, 1963. С. 70, рис. 41, 2) Тимерёвского могильника. Мною уже отмечалось, что комплектование пряжек, в том числе лировидных, щитком из бронзового листа, украшенного чеканным или гравированным орнаментом, — черта, характерная для материальной культуры Готланда (Соболев, 2018. С. 18).

Щиток, его орнаментация, крепление ремня в целом очень близки пряжкам Готланда (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 124, 8, 11; 125, 11; 126, 1, 5 и др.) и Бирки (Gr. 157 и Gr. 373 (*Arbman*, 1940. Taf. 86, 12, 13), наиболее схожие происходит из погребений на северо-востоке Готланда: кладбища Ire, ksp. Hellvi (*Thunmark-Nylén*, 1995. Abb. 198b, 24) и Laxarve, ksp. Boge (*Thunmark-Nylén*, 1998. Taf. 124, 5) и погребения № 1030 Бирки (*Arbman*, 1940. Taf. 87, 2).

Из слоя пахоты Которского селища происходит несколько предметов ременной гарнитуры: серебряная позолоченная ременная пятиугольная пряжка с завитками по углам рамки (щиток пряжки был утрачен в древности) и бронзовые сердцевидная и прямоугольные накладки (Соболев, 2018).

Серебряная пряжка со следами позолоты, с трапецевидной слаборасширяющейся рамкой, украшенной по внешнему краю параллельными нарезками и «ободком» с тремя перехватами (по внешним углам и в центре); игла также серебряная, рамка крепления ремня утрачена (рис. 1, 11). Ширина ремня, судя по ширине рамки, составляла около 1,5 см. Точных аналогий этой пряжке выявить пока не удалось. Стилистически она схожа с изделиями, найденными на крупных поселениях X в.

Одна из поясных бляшек — сердцевидной формы, ее лицевая поверхность плоская, украшенная идущим параллельно краю бляшки пояском из углубленных, примыкающих один к другому выпуклых кружков-«перлов» (рис. 1, 12). Орнамент на восковой модели был нанесен резцом. На обратной стороне — два прямых обломанных шпенька; их форма дает основания предполагать, что бляшка крепилась к кожаной основе при помощи квадратных шайб, толщина ленты ремня составляла не менее 1,5 мм. Однотипные сердцевидные бляшки отнесены В. В. Мурашовой к классу IV группы 1 виду 1А (Мурашова, 2000. С. 31), аналогичные поясные накладки распространены в Ветлужско-Вятском междуречье, Булгарском Поволжье, Пермском Предуралье, на Южном Урале, в Башкирии (Белавин, 2000. С. 105, ил. 47, 19; Казаков, 2007. С. 161, ил. 42А, 1, 3; с. 175, ил. 56, 34, 42; Белавин, Крыласова, 2008. Рис. 74, погребение № 88).

Вторая поясная бляшка — прямоугольной формы, украшенная на лицевой стороне глубоким, хорошо проработанным изображением многолепесткового цветка или «древа жизни» на углубленном фоне, фланкированного полупальметтами (рис. 1, 14) (Мурашова, 2000. С. 36). На ремень она крепилась при помощи четырех шпеньков, в настоящее время все они обломаны. Артефакт несет на себе следы древнего ремонта — в правом нижнем углу в древности было проделано отверстие, вероятно, взамен сломанного шпенька.

Накладка схожа с бляшками, отнесенными В. В. Мурашовой к классу X группы 1 виду 1И. Бляшки такого типа — с «полным» изображением цветка лотоса в центре и половинками такого же

⁶ Стоит отметить, что В. И. Сизов, отметив орнамент щитка как «весьма древний и весьма простой» (Сизов, 1902. С. 85), отнес ее к местным изделиям.

изображения по краям, набитые на ремень вплотную одна к другой, создавали впечатление сплошной металлической орнаментированной ленты.

Территориально ближайшие полностью аналогичные поясные накладки были найдены на селище Крева на Верхней Волге и в современном поселке городского типа Усвяты на юге Псковской области, в грабительских раскопках.

К украшениям деталей конского снаряжения могут относиться найденный в слое пахоты бубенчик с выделенным пояском в средней части и отходящими от него вниз гравированными линиями (рис. 1, 15) и найденная в слое черного гумуса на селище деформированная овальная привеска с небольшим ушком на одном конце и каплевидным завершением на противоположном (рис. 1, 13). Похожие подвески конской узды известны в средневековых древностях населения степной и лесостепной зон (Соболев, 2005. С. 86).

Редкая находка — бронзовая ажурная накладка на железное кресало — была найдена на селище, в заполнении ямы № 2 — частично вошедшем в раскоп 1999 г. котловане подполья жилища, в слое черного гумуса (рис. 2, 4). В этой же яме найдены ключ от деревянного замка, фрагмент скобеля, обломок лезвия топора, шило с остатками деревянной рукояти, колечко-скобка от ремня (Соболев, 2018. Рис. 1, 4), трапециевидная подвеска, несколько бусин, фрагменты керамики.

Бронзовые накладки на железные треугольные кресала изредка встречаются на памятниках Восточной Европы, для которых доказано присутствие скандинавов, — в Старой Ладогге (Рябинин, 1994. Рис. 20, 18), на Рюриковом городище (Янссон, 1999. С. 23, 27, рис. 1, 3; Торопов, 2015. С. 245, рис. 10, 3; с. 246), в городке на Маяте (Еремеев, Лисицына, 2004. С. 42, рис. 3, 9), в Сарском городище (Леонтьев, 1996. С. 142–144, рис. 59, 9), в Гнёздове (Пушкина, 1981. Рис. 2, 1), в Карелии (Saksa, 1998. Kuva 70, 22; Saksa, 2006).

Видимо, к предметам, привезенным из Северной Европы, относится и призматический без отверстия оселок, изготовленный из полосатого сланца, найденный в могиле под насыпью кургана № 7 группы Которск XI (рис. 3, 7). При погребенном, в районе пояса, были найдены черешковый дротик с вытянутым пером линзовидного сечения (рис. 3, 1), бронзовая подковообразная спиралеконечная застежка с узкой иглой и сохранившимся на ней фрагментом шерстяной ткани

саржевого переплетения (рис. 3, 2), круглая железная пряжка? (рис. 3, 3), сильно корродированный ключ типа А с круглой лопаткой, железный стержень подквадратного сечения, калачевидное кресало с язычком и кусочком кремня (рис. 3, 5, 6), нож IV группы по Р. С. Минасяну (рис. 3, 8) и арабская монета (рис. 3, 4), чеканенная правителем Андарабы, Са'идом б. Шу'айбом в Андараве в 273 г. х. (886/887 г.)⁷.

Североевропейские предметы и подражания им найдены в некоторых христианских погребениях Которского погоста: бусины, надетые на серебряные колечки, подвеска с волютами, подвеска с трехчастной композицией.

Бусы на колечках — золотостеклянная и две оранжевые глухого стекла (рис. 1, 2–4), были найдены в составе ожерелья женщины в погребении № 1 кургана № 10 группы Которск XI. Данное захоронение — одно из самых «богатых»⁸, что, по всей вероятности, является не имущественным, а хронологическим признаком (Михайлова, Соболев, 2017).

В древнерусских погребениях Новгородской земли надетые на колечки бусины найдены в кургане № 1 курганно-жальничного могильника Малы (раскопки 1921 г.) (Valk, 2009. S. 186, jп. 7, 4); кургане № 53 группы Княжая Гора (НА ИИМК РАН. ФО № II 26251); погребении № 18 КЖМ Дрегли, (НГОМЗ. Инв. № 31900, А-83-22), погребении № 2 в кургане СХХV у д. Городище на Сяси (Бранденбург, 1895. Табл. IV, 2), еще две находки были сделаны незаконными копателями на территории Ленинградской области в последние годы и опубликованы на соответствующих тематических Internet-ресурсах.

Также в этом погребении в кургане № 10 удалось расчистить многослойный фрагмент текстиля, среди которого были найдены обрывки шелка, наибольший из которых размером 8,0 × 4,5 см. Ткань не имеет швов и следов крепления золотных нитей, могла являться деталью, украшающей часть одежды или самостоятельным изделием. Тип переплетения — саржа 1: 2 с S-направлением рисунка. Соотношение нитей внутренней и нитей связующей основы 1: 1. Нити основы с Z-круткой, толщина — 0,23–0,28 мм.

⁷ Определение А. А. Гомзина. Хочу выразить Андрею Александровичу глубочайшую благодарность и признательность.

⁸ Вопросы «богатства» и социального статуса погребенного или его семьи по материалам находок из захоронений рассматривались на конференциях ИИМК РАН (Санкт-Петербург) в 2015–2016 гг.

Рис. 3. Находки из погребения в кургане № 7 могильника Которск XI: 1 — наконечник дротика; 2 — подковообразная застёжка; 3 — кольцо; 4 — монета; 5 — кусочек кремня; 6 — калачевидное кресало; 7 — оселок; 8 — нож. 1, 3, 6, 8 — железо; 2 — бронза, шерстяная ткань; 4 — серебро (?); 5 — кремень, 7 — сланец. Масштаб: а — для 1–3, 5–8; б — для 4

Fig. 3. Finds from the burial in barrow no. 7 at the cemetery of Kotorsk XI: 1 — darthead; 2 — horseshoe clasp; 3 — ring; 4 — coin; 5 — piece of flint; 6 — kalatch-shaped firestriker; 7 — whetstone; 8 — knife. 1, 3, 6, 8 — iron; 2 — bronze, wool; 4 — silver(?); 5 — flint, 7 — chert. Scale: а — for no. 1–3, 5–8; б — for no. 4

Нити утка — со слабой Z-круткой, толщина — 0,28–0,3 мм. Плотность по утку — 25 н/см. Плотность по основе — 28–30 н/см⁹.

Ткани подобного типа в средневековой Руси являлись предметом импорта, найденный фрагмент, вероятнее всего, поступил из центров шелкоткачества византийского круга.

У черепа девочки, похороненной в кургане № 13 того же могильника, были найдены проводочные височные кольца, редких не только для

Новгородской земли, но для всей Северной Руси типов. Это три «кудрявых» височных кольца (рис. 1, 6) и такого же небольшого диаметра височное кольцо с напущенной на него «бусиной», спаянной из шести шариков крупной зерни (рис. 1, 5).

«Кудрявые» височные кольца или серьги sporadически встречаются в древнерусских памятниках Северо-Запада: Залахтовы, курган № 7 (раскопки К. Д. Трофимова), Бегуницы, курган № 17 (раскопки Е. А. Рябинина), Псков; Верхнем Поволжье (Степанова, 2010. С. 282), по мнению В. П. Левашовой, этот тип «был занесен на восточно-славянскую территорию извне» (Левашева, 1967. С. 35).

Находки «крупнозерновых», по определению В. П. Левашовой, бусинных височных колец

⁹ Определение тканей выполнено О. В. Орфинской. Пользуясь случаем, хочу выразить Ольге Вячеславовне и расшившей и укрепившей ткани Е. С. Зубковой мою искреннюю благодарность.

(Там же. С. 21) также единичны на древнерусской территории. Отмеченная связь обоих типов украшений с S-конечными позволяет предположить их поступление из Южной и/или Центральной Европы¹⁰.

Североевропейская по своему происхождению подвеска была найдена на погребенном дереве под насыпью кургана № 2 (рис. 1, 9) этой же курганный группы. Она представляет собой подражание скандинавским круглым подвескам, например, из погребения № 306 могильника Бирки (Arbman, 1940. Abb. 50, 3, 4).

Еще одна подвеска была найдена при исследовании разрушенного грабителями кургана № 27 группы Которск III. Круглая основа подвески вырезана из листового серебра, по краю напаян ряд шариков зерни, в центре — пятиволнотная композиция из рубчатой проволоки и шариков зерни, волноты соединены перехватами, с обратной стороны дополнительно напаян многоугольный фрагмент серебряного листа с отверстием, образующий ушко (рис. 1, 1). Скандинавские аналогии данного типа украшений и древнерусские подражания им подробно рассмотрены Ю. М. Лесманом (Лесман, 2014. С. 55–57).

Превращенная в подвеску накладка от поясной или уздечной гарнитуры (рис. 1, 8) была найдена в составе ожерелья в погребении в кургане № 16 этого некрополя (Михайлова, Соболев, 2017. С. 153, рис. 3). Круглая прорезная бляшка, изготовленная литьем по восковой модели, крепилась к ремню с помощью четырех штифтов. Точные аналогии ей мне неизвестны, по всей видимости, их поиск стоит вести в материалах кочевых культур степной зоны Евразии.

Превращение металлических наременных украшений в подвески к ожерелью — довольно частый способ их использования, характерный для культуры Скандинавии эпохи викингов и привнесенный на Русь (Носов, 2012. С. 112, рис. 22, 3; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 186, рис. 10; Макаров, 2012. С. 199, рис. 5), хотя в данном случае вызывает удивление грубость, с которой совершенно данное «превращение»: штифты крепления не были убраны, а лишь загнуты.

¹⁰ Единичное распространение столь простых в тиражировании типов украшений позволяет говорить об их поступлении на ту или иную территорию именно в результате торговли либо об их появлении вместе с носителями, но никак не о распространении моды на них.

Рис. 4. Курганный группа Которск IX, участок 1993 г., в насыпи кургана № 4. Сосуд

Fig. 4. Kurgan group of Kotorok IX, excavation of 1993 in mound no. 4. Pot

Керамика, являясь и самостоятельным предметом торговли, чаще всего перемещается в восточноевропейском средневековом пространстве в качестве тары. Находки амфор в Которском погосте неизвестны, развал отчетливо выделяющегося из общей керамической массы сосуда собран под насыпью кургана № 4 некрополя Которск IX. Раннекруговой горшок светло-коричневого цвета изготовлен из хорошо подготовленной массы и орнаментирован горизонтальными врезными линиями и пояском из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4). Сосуд обращает на себя внимание необычными для керамики Северо-Запада пропорциями, своим видом он схож с керамикой западнорусских городов (Малевская-Малевич, 2005. Рис. 8, 5; 49, 8). Маловероятно, что сосуд был привезен пустым, однако о характере его содержимого остается только гадать.

Таким образом, анализ находок показывает, что на протяжении X — рубежа XI–XII вв. в материальной культуре сельского населения запада Новгородской земли наиболее ощутимы северо-европейские импорты и влияния, значительная часть которых связана с мужским костюмом и деталями мужского убора. В женском костюме «скандинавская вуаль» проявляется несколько позднее, во всяком случае отчетливо она

становится заметна лишь после принятия христианства и появления подкурганых ингумаций (Соболев, 2015б. С. 358–360). Появление восточных импортов — предметов «всаднической» субкультуры, вероятно, также связано с общей открытостью древнерусского общества Северо-Запада идеям, тенденциям и представлениям, формировавшимся в среде «русских скандинавов» — грабителей, воинов, торговцев, яркая материальная культура которых известна по так называемым «дружинным» центрам Древней Руси.

Не позднее середины XII столетия предметы дальней торговли из погребений населения Которского погоста окончательно исчезают, к этому же

времени из захоронений почти вымываются монеты и серебряные украшения¹¹. Взаимосвязаны ли эти процессы, являются ли они следствием обоярщивания, которое, по мнению В. Л. Янина (Янин, 2001. С. 65), для западных районов Новгородской земли начинается как раз после 30-х гг. XII в., или свидетельствуют о других культурно-исторических процессах, сейчас сказать невозможно, но, может быть, это тема дальнейших исследований.

¹¹ Перенос поселения на место современной деревни произошел во второй четверти — середине XI столетия. Начиная со второй половины XI в. поселенческие древности Которского погоста не исследовались.

Белавин, 2000 — Белавин А. М. Камский торговый путь. Северное Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 195 с.

Белавин, Крыласова, 2008 — Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

Бранденбург, 1895 — Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладжья. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1895 (МАР; № 18). 156 с.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.

Еремеев, 2015 — Еремеев И. И. Древности полоцкой земли в историческом изучении восточно-балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории псковско-белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIV). 693 с.

Еремеев, Лисицына, 2004 — Еремеев И. И., Лисицына О. В. Комплексные исследования в восточном Приильменье в 2003 г. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2004. Вып. 18. С. 34–50.

Зеленцова, 2014 — Зеленцова О. В. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. 2014. Вып. 235. С. 219–230.

Зеленцова, Сапрыкина, 2018 — Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. Казань: Фэн, 2018. № 1 (23). С. 220–239.

Казаков, 2007 — Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2007. 208 с.

Каталог..., 1897 — Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Синод. тип., 1907. Отд. III–VI. 241 с.

Левашева, — Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 7–54.

Леонтьев, 1996 — Леонтьев А. Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.

Лесман, 2014 — Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 47–93.

Макаров, 1990 — Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. 214 с.

Макаров, 2012 — Макаров Н. А. Суздальское Ополе // Русь в Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 195–211.

Малевская-Малевич, 2005 — Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб., 2005.

Мальшичева, 2012 — Мальшичева Н. Н. Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1. С. 26–298.

Мальм, 1963 — Мальм В. А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников. М.: Советская Россия, 1963. С. 64–70.

Михайлова, Соболев, 2017 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере

- Которского погоста) // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* СПб.: Изд. дом Бранко, 2017. С. 147–157.
- Мурашова, 2000 — Мурашова В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 134 с.
- Недошивина, Зозуля, 2012 — Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама.* М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 179–193.
- Носов, 2012 — Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволжье // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама.* М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93–121.
- Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плехов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 402 с.
- Платонова и др., 2007 — Платонова Н. И., Желлова Т. А., Лесман Ю. М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // *Северная Русь и народы Балтики.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 142–194.
- Покровская, 1999 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Новгорода X–XI вв. (по материалам Неревского и Троицкого раскопов) // *Великий Новгород в истории средневековой Европы.* М.: Русские словари, 1999. С. 51–64.
- Пушкина, 1981 — Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения // СА. 1981. № 2. С. 281–288.
- Рябинин, 1994 — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общекалтийских связей в предвикингскую эпоху) // *Новые источники по истории Северо-Запада.* СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 5–59.
- Сакса, 2006 — Сакса А. Н. Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной Корелы) // *In situ.* К 85 летию проф. А. Д. Столяра. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 282–307.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Сизов, 1902 — Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902 (МАР; № 28). Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска. 134 с.
- Соболев, 2005 — Соболев В. Ю. Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2005. Вып. 19. С. 71–90.
- Соболев, 2015а — Соболев В. Ю. Комплекс археологических памятников Которского погоста (X — первая половина XI в.) // НИС. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 15 (25). С. 4–32.
- Соболев, 2015б — Соболев В. Ю. Древнерусская погребальная культура Новгородской земли: проблемы и особенности формирования // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 21. С. 352–367.
- Соболев, 2018 — Соболев В. Ю. Детали поясной гарнитуры населения Которского погоста // *История военного костюма: от древнего мира до наших дней: Материалы III Междунар. военно-исторической конф.* СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 16–31.
- Спиридонов, 2014 — Спиридонов А. М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в средневековье: Научное электронное издание [Электронный ресурс.] А. М. Спиридонов — Электрон. дан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
- Степанова, 2010 — Степанова Ю. В. Височные кольца из древнерусских сельских памятников Верхневолжья // *Stratum plus.* Кишинев: ВАШ, 2010. № 5: Ремесло археолога. С. 275–283.
- Торопов, 2015 — Торопов С. Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Вып. 20. С. 225–252.
- Фехнер, 1963 — Фехнер М. В. Тимерёвский могильник // *Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимерёвского, Михайловского и Петровского могильников.* М.: Сов. Россия, 1963. С. 5–19.
- Финно-угры и балты..., 1987 — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). 512 с.
- Хвоцинская, 1999 — Хвоцинская Н. В. Подковообразные фибулы Рюрикова городища // *Великий Новгород в истории средневековой Европы.* М.: Русские словари, 1999. С. 39–50.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Хвоцинская, 2007 — Хвоцинская Н. В. Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX — X вв. // *Северная Русь и народы Балтики.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2007 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXIV). С. 123–141.

- Янин, 2001 — Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. 149 с.
- Янсон, 1999 — Янсон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Ястребов, 1893 — Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 88 с.
- Arbman, 1940 — Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Uppsala: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien, 1940. 560 с.
- Saksa, 1998 — Saksa A. N. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun Yliopisto Humanistinen Tiedekunta, 1998. 258 p.
- Thunmark-Nylén, 1995 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1995. 382 s.
- Thunmark-Nylén, 1998 — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1998. 333 p.
- Valk, 2009 — Valk H. Mõla kääbaskalmistu // Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. P. 183–189.

Trade contacts of the population of Kotorsk

VI. Yu. Sobolev

The complex of mediaeval archaeological monuments of the St Nicolas Kotorsk Pogost (rural community) is one of the local centres most comprehensively studied by excavations in the west of the Novgorod Land. Within its boundaries, slightly less than 1000 sq. m of cultural deposits have been investigated, dated to the turn of the 9th–10th and first half — the middle of 11th century, as well as a number of cemeteries of different time periods. The finds include trade implements, Arabian and West-European silver coins and different goods imported through trade: weapons, jewellery, manufactures, first-necessity goods (e. g. salt, although archaeologically it is possible to trace only its production but not its storage or transference), and various raw materials.

Objects of the North-European provenance are represented most widely (female ornaments, objects of the male subculture); ornaments and other artefacts of the Oriental and southern traditions are rarer found. Of special note is a find of fragments of silk textile from one of the burials dated to the second half of the 11th century.